Школа
Театра, Школа современной пьесы

Аплодисменты

"Райхельгауз и компания" вовсе не есть "Райхельгауз и Со". Вообще-то, "компания" — это его собственное любимое словечко, которым и опеределает он то, чем, по его представлению, должен быть театр. Такими "компаниями" были для него самого и "Современник", и театр Станиславского, и Таганка. В этом непростом "жанре" создавал и создает (созидает) свой собственный театр "Школа современной пьесы". Созидает — вот уже десять лет: юбилей "Школа" отмечает в Международный день театра, ибо, по случайному (или — не-случайному?) стечению обстоятельств именно в этот день, 27 марта 1989 года; был подписан приказ, узаконивавший ее существование.

"Компания", которую с тех пор собирает вокруг себя Райхельгауз, — удивительно разная и удивительно пестрая. И, как это ни странно, ее стабильность видится мне именно в ее постоянном движении, в ее переменчивости и даже в ее пестроте. Кто только здесь за десять лет ни играл! Ольга Яковлева и Михаил Ефремов — неожиданно создавшие дивный дуэт в первой редакции

спектакля "Без зеркал". Любовь Полищук и Альберт Филозов — вместе с самим Райхельгаузом открывавшие театр спектаклем "Пришел мужчина к женщине".

Здесь, в "Школе современной пьесы", сыграла свою последнюю роль и обрела свой последний театральный дом Мария Владимировна Миронова. То был пронзительно-провидческий спектакль, "Уходил старик от старухи". И, словно бы дописывая пьесу Семена Злотникова, "старуха" — Миронова — ушла, а "старик" — Глузский — остался, и роль Сорина, сыгранная им в поставленной Райхельгаузом "Чайке", стала — для меня, во всяком случае, — истинным потрясением. Никогда не думал, не знал, что Сорина можно сыграть с таким невероятным драматизмом, на таком грандиозном накале душевной муки.

В этой "компании" странно-замечательно сосуществуют все мыслимые и немыслимые поколения: от "патриархов" (но, в отличие от иных, "академических" театров, где они подчас остаются в наследство от прошлой жизни, сегодня никому не нужные и не интересные,

здесь не только любимые и почитаемые, но — что главное — абсолютно действующие) — до "юнцов беззусых", студентов ВГИКа, где Райхельгауз ведет актерский курс, и первые его выпускники уже стали профессиональными артистами, и уже новая поросль осваивает и очередное заброшенное пространство этого, кажущегося неисчерпаемым, старинного здания, и, одновременно, — пространство "школы современной пьесы".

Здание, рано или поздно, все же окажется исчерпанным до конца, а вот второе — главное — слагаемое, хочется надеяться, долго еще будет оставаться бездонным источником новых идей и свершений. То есть, по-простому, новых спектаклей — поскольку, чем же еще жив театр?

Совсем недавно, и вовсе не в связи с юбилеем, мне довелось брать у Иосифа Райхельгауза интервью.

Райхельгауз и КОМПАНИЯ

Был поздний вечер понедельника, когда в театре выходной, и, по-моему, не считая охранника у служебного входа, художественный руководитель был во всем здании совершенно один. Что не слишком его радовало: хотелось, чтобы, вопреки выходному, где-нибудь что-нибудь все же происходило. За время нашей беседы телефон звонил трижды, все трое звонивших оказались драматургами. Поразило меня не то, что ни одному из них Райхельгауз не сказал сухо: "Я занят, позвоните позже", — другое: он всякий раз точным движением протягивал руку именно к той пьесе, чей автор находился в данный момент "на проходе", давая четкий, абсолютно деловой — при этом неизменно дружеский — ответ. Ответ во всех трех случаях был отрицательным, однако, все три пьесы были им внимательно прочитаны, и отказ объяснялся только

одним: пьесы были ему не близки. Не интересны. Я спросил его потом: неужели он действительно все сам читает? Неужели всякий раз чего-то ждет? "Мне так нужна пьеса", — услышал я в ответ. Между тем лежала на столе еще одна пьеса, которую Райхельгауз собирает — тактично поставить. Автор на титульной странице обозначен не был и имени он мне не назвал, но назвал имена актрис, которых надеется видеть в ролях двух героинь, сестер: Татьяну Васильеву и Галину Волчек. Услышав второе имя, я буквально возопил: "Сделайте это! Так хочется снова увидеть Волчек на сцене!".

Есть у Райхельгауза невероятная жадность до неизведанного, умение рисковать, открытость новому. Здесь ставили спектакли Сергей Юрский, Борис Морозов, сейчас — Виктор Шамиров, в котором Райхельгауз так точно угадал своего

странного Треплева. Здесь выступают Елена Камбурова и Сергей Никитин, здесь проходили и проходят — по началу юбилейные, на всю Трубную площадь, потом — скорбно-поминальные, теперь ностальгически-воспоминальные, вечера Булата Окуджавы. Райхельгауз не изменяет ни своим старшим кумирам, ни своим друзьям-сверстникам, ни своим юным ученикам. Дон Кихот ли он при этом? Наверное, в каком-то смысле, — да (потому, быть может, столь свежо и необычно сложился его спектакль, легенда о Дон Кихоте посвященный), а в каком-то и нет, ибо на одном донкихотстве, увы, далеко не уедешь. А может, он замечательно сочетает в себе мечтателя Дон Кихота и прагматика Санчо, и потому его собственные мечты не остаются только мечтами, но становятся реальностью?

Дай бог удачи — Райхельгаузу и компании. Всеселья, таланта, и конечно — неизменно иронии, и обязательно и всенепременно — пять пудов любви!

Юрий ФРИДШТЕЙН